

Я – своеобразный литературный джокер

Евгений ВИТКОВСКИЙ – поэт, переводчик, литературовед, историк эмигрантской культуры, предпочитает называть себя писателем: “Я еще и беллетрист, для души для собственной беллетристики в первую очередь”. Тем не менее современным читателям он более всего известен как “историк поэтического перевода”: за последнее время вышли две его фундаментальные антологии – “Строфы века-2” и “Семь веков французской поэзии”.

– Ваше решение создать собственную антологию “Строфы века-2” родилось после того, как вы поработали научным редактором в знаменитой антологии Евгения Евтушенко?

– Безусловно. Но это было даже не мое решение: многие рецензенты как недостаток антологии Евтушенко выделяли отсутствие переводов и вообще племени переводчиков, которое привело к отсутствию в его антологии Лозинского и Маршака, к примеру. В итоге идея этой антологии вообще не моя: директор издательства “Полифакт” Б.Н.Пастернак предложил мне такую антологию составить, зная, что я тридцать лет занимаюсь историей русского поэтического перевода как вполне оригинального поэтического жанра. Я не стал отказываться и просто просуммировал то, что знаю.

– Повальное поветрие составить личную антологию – вплоть до “Няни в русской поэзии” – что это: примета фельетонной эпохи, или fin de siècle, или резонное желание подвести итог некоему периоду? А может быть, обилие антологий – некий конфуцианский трен в сознании современников?

– Наверное, ближе всего мне последний вариант. Не зря в древнем Китае (а древним он перестал быть меньше ста лет тому назад) существовала ясная система ценностей – примерно так ее описывает Китаист Илья Смирнов. Пишешь, пишешь, издаешь одно собрание сочинений,

другое. Потом жди – если доживешь, – что серьезный ученый составит антологию поэзии твоей эпохи. Попал ты в нее четырьмя строками по пять иероглифов в каждой – все, бессмертие гарантировано, тебя и через тысячу лет читать будут. Не попал – извини, ты вообще неизвестно кто, то ли поэт, то ли нет. И вся надежда на другую антологию, которая отменит результаты первой – обычно еще лет через триста. Но уж если ты дважды никуда не попал, то ты просто подлежишь забвению. Вот мне и хотелось собрать под одну обложку ценности, не подлежащие забвению, опираясь и на традиционное мнение, и на свое собственное. То, что я живу в конце тысячелетия, – счастливая случайность, в другое время столь сильный интерес к большим антологиям далеко не так велик.

– Ваш собственный путь в поэтический перевод это был единственно возможный путь в советскую литературу (такое мнение нынче распространено, его упорно доказывает профессор Эткинд)?

– Да простит меня профессор Эткинд, это еще один из советских же мифов. Частный случай Анны Ахматовой, которая на эдакий переводной компромисс пошла в пятидесятые годы, не доказывает абсолютно ничего. В.В.Левик – как к нему ни относись, все же один из лучших мастеров советской эпохи – оригинальных стихов вообще не писал. В.А.Потапова, над чьими переложе-

Фото В.ЗАХАРОВА

ниями шведских поэтов можно только слезы лить от зависти, – тоже. Не зря в разговорах с Бродским, записанных С.Волковым, все время фигурирует несбывшаяся мечта Бродского периода жизни в СССР: пробиться в “чистый” перевод, печататься в виде переводчика английских метафизиков, к примеру, а стихи писать для себя – и Господь с ним, с тем фактом, что в СССР их не печатают. Авось когда-нибудь и напечатает. Однако Бродский так активно – и добровольно – печатался как оригинальный поэт на Западе, что в СССР ему этот путь закрыли. А что касается меня самого – я же принадлежу к “поколению БВЛ”: нам уже вполне дали реализоваться. Мои занятия эмигрантской культурой я держал при себе, на Западе печатался редко и под глухими псевдонимами, а здесь, в Москве, мне жаловаться не на что. Ну не дали бы перевести “Фауста” – так у меня и желания не было. А когда возникло желание издать главную трилогию главного голландского поэта – об этом моем переводе “Люцифера” Йоста ван ден Вондела и прилегающих дра-

мах читайте в одной из лекций отца Александра Меня, чем и горжусь, – нужно было приурочить свои дела к юбилею, написать комментарий больше, чем мне хотелось, раз в десять – и книга спокойно выходила в “Литературных памятниках”. К двадцати годам я бегло читал на немецком, на голландском, который учил как несостоявшийся искусствовед (в МГУ), потом прибавились английский и африкаанс, литературный язык буров! Спрос на переводчиков, которые знают языки и которым не требуется подстрочник, в годы издания БВЛ резко вырос: издатели обленились заказывать подстрочники и править потом переводы, испорченные еще до того, как поэт за них садился, – к примеру, многие переводы Гитовича с китайского плохи потому, что сделаны по неверным подстрочникам. Переводчик же со знанием языка отвечает сам за себя. Огромное влияние оказали на меня слова выдающегося поэта и переводчика Сергея Петрова – настоящего полиглота, кстати, – о том, что последние двадцать лет он учит только русский язык. Перевод как самодисциплина невероятно расширяет знание русской лексики. Попробуйте сразу, с ходу, вспомнить, как называется хвост у борзой собаки, как у гончей, как у легавой; припомните, как называлось то время, в которое полагалось в городе Санкт-Петербурге водки выпить – хотя бы во времена государя Петра Великого и т.д. Лев Успенский говорил, что всех слов родного языка не может знать никто. Переводчик тоже не может, хотя... должен. По крайней мере, должен знать, в какой словарь смотреть.

– Вы говорите о себе как об “историке поэтического перевода”. Но ведь еще десяток лет назад это была бы работа целого научного института...

– Вот это и есть моя величайшая удача. Задолго до “Строф века-2” я

составил четырехтомную антологию поэзии русской эмиграции (первый двух волн) за семьдесят лет. И тоже один, хотя по частностям мне многие помогали. Если бы эта работа делалась “соборно”, то все валили бы недостатки друг на друга. А так – я один, и за все в ответе тоже один. Если бы эти мои антологии делал институт, до сих пор обе находились бы в процессе отработки первоначального варианта состава, а до их выхода никто бы из нас не дождался. Только что, по следам работы над “Строфами века-2” я составил антологию “Семь веков французской поэзии”, используя работу почти ста тридцати переводчиков, представив почти четыреста французских поэтов с начала четырнадцатого века до конца двадцатого. Так вот, Санкт-Петербургское издательство “Евразия”, для которого я эту работу в июле закончил, книгу уже выпустило. По ее следам, превращая эти антологии в серию, делаю сейчас антологию “Семь веков английской поэзии”. Исхожу я из наличия высококачественных русских переводов, накопленных за два столетия существования жанра в России, а не от гипотетического английского или французского состава. Если какое-то очень хрестоматийное стихотворение по-русски и с десяти попыток не получилось ни разу – я не буду выбирать наименее неудачную попытку. Я просто обойдусь без этого стихотворения, а о причине его отсутствия честно скажу в справке об авторе или в предисловии. Старый закон Марка Твена о том, что когда не знаешь, что соврать, говори правду – для меня всегда идеальный выход из положения. В этом отношении история с тем, как быт, если поэт – или переводчик – оказался, скажем, стукачом из НКВД, а стихи писал все-таки хорошие, я решаю всегда одинаково: стихи печатаю, а во врезке сообщаю: что именно этот самый Николай Сте-

фанович и посадил как Даниила Андреева, так и Даниила Жуковского, – последний, кстати, еще вовсе не оценен как поэт, обычно его знают лишь как сына Аделаиды Герцык. Ну, я уже ушел в сторону. Словом, жизнь коротка, чтобы с кем-нибудь советоваться.

Конечно, нет в мире совершенства и никто не обнимет необъятного. Только мне мой любимый Козьма Прутков – не указ. Не обнимет – точно. Но стремиться-то надо именно к совершенству. А судить будет читатель. Надеюсь, вовсе не тот “судья неправедный”, которого обессмертил Александр Островский. Если мои книги стоят у людей на полках – неужто я могу надеяться на что-то большее, чем на то, что у кого-то появится желание иногда их почитать?

– Но ведь вы еще и беллетрист?

– Да, и для души для собственной – беллетрист в первую очередь. Куски из четырех моих романов печатались в самой разной периодике, три первых романа купило харьковское “Фолио”, но... грянул дефолт, а воз и ныне там. Четвертый роман я закончил в августе, он не продан, и даже напечатаны только отдельные главы, зато пятый роман на добрую треть оказался опубликован – правда, в Кельне, правда, и роман этот еще недописан. На прилавке – сплошные мои предисловия и переводы. А сам я пока что как беллетрист – в столе, пардон, в компьютере. Самое большое мое желание – как всегда, доделать очередную книгу и взяться за следующую. Одновременно пишу и редактирую книги по истории азартных игр. Так что я своеобразный литературный джокер. Откуда берется время? Не хочу никого обидеть, просто у меня нет – и не будет – телевизора. Только и всего!

Беседу вела Ольга ГРЕК

Кусьб/Ура – 1999 – 9 – 15 сент. – с. 4